

Матэрыялы міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 17–18 верас. 1999 г. / Адк. рэд. П.І. Брыгадзін, У.Ф. Ладысеў. Мн., 2000. С. 265.

¹³ Гл.: Вялікі А.Ф. Змяненні ў нацыянальна-дэмаграфічнай сітуацыі заходніх абласцей Беларусі пасля падпісання дагавора 16 жніўня 1945 г. аб савецка-польскай дзяржаўнай граніцы. С. 266.

¹⁴ Гл.: NKWD... 1997. S. 316.

¹⁵ Гл.: Hlebowicz A. Katolicyzm w panstwie sowieckim. 1944–1992. Gdansk, 1993. S. 79.

¹⁶ Гл.: Вялікі А., Языковіч Л. Указ. тв. С. 29.

¹⁷ Гл.: Сідлярэвіч А. Фармаванне сучаснае беларуска-польскае мяжы ў дакументах і вусных успамінах (1944–1950) // Спадчына. 2002. № 2–3. С. 45.

¹⁸ Гл.: Там жа. С. 49–50.

¹⁹ Гл.: Вялікі А., Языковіч Л. Указ. тв. С. 28.

²⁰ Гл.: Ks. Grzegorz Sosna. Sprawy narodowosciowe i wyznaniowe na Białostocczyźnie (1944–1948) w ocenie władz Rzeczypospolitej Polskiej. Wybor dokumentow. Ryboły, 1996. S. 28–88.

²¹ Гл.: Административно-территориальное... С. 4.

²² Гл.: Валаханович И.А. Указ. тв. Мн., 2002. С. 89.

Паступіў у рэдакцыю 10.06.2003.

Ірына Сяргееўна Кашталян – аспірантка кафедры гісторыі Расіі. Навуковы кіраўнік – доктар гістарычных навук, прафесар В.І. Менькоўскі.

Н.И. МИНИЦКИЙ

ИДЕАЛЫ И ПРАКТИКА АНТИЧНОЙ ДЕМОКРАТИИ: (СТРУКТУРНО-КОМПОЗИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА РЕЧИ ПЕРИКЛА)*

Применение структурно-композиционного метода и основанной на нем интерпретации текста речи Перикла позволило дифференцировать лексику политического мышления греков времени Пелопоннесской войны, выделив в ней понятия идеализации, идеальной нормы и исторических реалий.

The use of the structure and composition method and the interpretation of the Pericle's speech based on this method made it possible to differentiate the lexis of the political thinking of the Greeks at the time of Peloponnesian war by distinguishing in it such notions as idealization, ideal norm and historic reality.

Характеристика афинской демократии как правления большинства, поддерживаемая в речи Перикла и переданная Фукидидом, имеется почти во всех учебниках по античной истории. Такой интерес обусловлен конкретной событийной стороной – историей Пелопоннесской войны, приведшей в конечном итоге к трагическим последствиям для греческой свободы. Кроме того, ученые останавливаются на тех аспектах демократии, которые их интересуют в связи с личными исследовательскими интересами и актуальными потребностями современного общества.

Так, Н.М. Тронский акцентирует внимание на «совместимости коллективной морали полиса с основанным на частной собственности "самодовлеющим состоянием индивида"»¹. М.С. Корзун считает, что «исследование борьбы между гражданскими группировками проливает свет и на сущность афинской рабовладельческой демократии, в системе которой существовал антагонизм между рабами и рабовладельцами, между афинскими гражданами и союзниками, между крупными рабовладельцами и мелкими производителями»². Л.П. Маринович выделяет в демократии такие признаки, как «сознательная ориентированность на привлечение к политике всех граждан, полная подотчетность всех органов управления народному собранию, абсолютный суверенитет экклесии, приоритет законов»³.

Если руководствоваться принципом дополнительности, то каждая из оценок представляет собой выяснение как сущности самой демократии, так

* Фукидид. История. II, 34–46 // Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подгот. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. М., 1996. С. 179–185.

и ее значения для политической культуры современной исследователю эпохи. Для нас принципиально важно выяснить дополнительные смыслы понимания демократии, которые может дать обращение к способам языкового выражения. Такое видение античной демократии в стиле современного «лингвистического поворота» позволило бы нам определить взаимоотношения риторики и идеологии и, следовательно, выйти на социально-психологическую интерпретацию текста.

Применение лингвистического метода в историческом исследовании текстов источников является одной из важных составляющих современного источниковедения⁴. Обозначенная тема статьи рассматривается с позиций структурно-композиционного анализа и операциональных методик, разработанных лингвистами. Под структурой текста они обычно понимают некоторую упорядоченность, позволяющую выяснить: а) логику коммуникаций между целями и намерениями автора, а также воспринимающего этот текст; б) логику отраженного в тексте мира; в) внутреннюю логику самого текста; г) соответствие текста законам знаковой системы⁵.

Организация языковых средств является композицией текста. Его структурно-композиционная организация – это «внутренняя организация материала во всей его сложности, включая систему образов событий, поступков, подчиненных идее автора»⁶. Изучение композиционной структуры связано с пониманием текста. «Важнейшее условие функционирования текста является его свойство быть понятным»⁷. Структура содержания отражает как значение, так и понимание текста. В связи с этим в лингвистике В.В. Красных выделяет следующие уровни значения и понимания: «1) поверхностное – восприятие формы; понимание прямого значения (восприятие); 2) глубинное – понимание непрямого значения: дополнительных модусных смыслов, подтекстов и т. д. (понимание); 3) смысл – понимание смысла; восприятие концепта (интерпретация)»⁸. Отметим, что восприятие текста делится на три уровня глубины: поверхностный, глубинный и смысловой, которым соответствуют свои уровни понимания. Такова исходная методика исследования интересующего нас предмета.

По своей композиции речь Перикла построена на основе излюбленного литературного приема Фукидида – передаче лишь общего замысла выступления, но не ее адекватном воспроизведении. Историки отмечали, что «...эти речи давали возможность в привычной для грека форме представить более отчетливо и разъяснить гораздо полнее, особенно в диалогически, агонально организованных сценах выступлений, мотивы, которыми руководствовались или должны были руководствоваться персонажи воссоздаваемой писателем исторической драмы»⁹.

Рассмотрим, как был реализован исходный замысел. Первоначально Фукидид устами Перикла обращается к историческому экскурсу, в котором дается определение главных ценностей афинского образа жизни – доблести и свободы. Раскрывается суть могущества государства афинян, нашедшая выражение в его самодовлеющем характере. И, завершая вводную часть, Перикл говорит: «...хочу сказать о строе нашего города, о тех наших установлениях в образе жизни, которые и привели его к нынешнему величию»¹⁰.

Основная часть речи в композиционном отношении имеет следующую структуру: определение признаков демократии, характеристика общественной и частной жизни афинян, определение значения состязаний и жертвоприношений для ритма жизни, сравнительная характеристика состояния военного дела у афинян и спартанцев, показ могущества афинского государства.

Заключение речи – это пропаганда идеи величия, славы и мощи родины, за которую воины, отдав жизнь, достигли посмертной славы, а оставшиеся в живых должны вести себя не менее достойно. Общий мотив – счастлив

тот, кто, жертвуя своей жизнью, доблестно защитил величие своего города, – известен со времени архаики. Риторика и идеология в речи совпали идеально. Выступление Перикла построено в соответствии с главным назначением эпидейктической речи: хвалить или порицать. Ее объектами являются различного рода определения: похвалы, прославления, добродетели, красоты и т. п. Правило построения указанного вида речи: выведение заключения на основании подобных случаев. Технология построения диктовалась обстоятельствами, поскольку перед Периклом стояла задача произнести слова благодарности за подвиг и вдохновить к этому живых. Таково восприятие организации текстовой формы, обозначающее ее прямое значение.

Глубинное понимание непрямого значения связано с раскрытием дополнительных смыслов и подтекстов. Это связь с контекстом в широком смысле значения. Одним из главных смыслов речи считают идеализацию Периклом общественного строя афинян и их роли в Элладе. Вопрос в том, соответствовал ли образ демократии в речи Перикла действительной практике общественной жизни Афинского полиса. Для ответа необходимо обратиться к пониманию сущности демократии того времени. Главный признак демократии – «правление большинства» – выражен следующими словами Перикла: «И так как у нас городом управляет не горстка людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством (демократией)»¹¹.

Глубоко прав М.С. Корзун, утверждая, что «...современный историк не может и не должен пройти мимо этого определения, отражающего существование в Афинах противоречивых отношений внутри господствующего над рабами гражданского коллектива, которые можно охарактеризовать как противоборство двух основных, непримиримых группировок – демократической и олигархической»¹².

Естественно, что именно определение сущности демократии становится исходным началом для выяснения степени идеализации, допущенной Периклом. Признак «правления большинства» выступает у Фукидида главным признаком демократии. Главным он является и для олигархически настроенного автора «Афинской политики» Псевдо-Ксенофонта. Однако порядок, при котором «простому народу жилось лучше, чем благородным»¹³, вызывает его откровенное неодобрение.

О сдержанном отношении Фукидида к демократии свидетельствует сравнительно пониженное внимание к двум существенным ее признакам: свободе и равноправию. Эти понятия встречаются в лексике речи, но их роль менее заметна. Подобная позиция подверглась основательной критике со стороны отнюдь не ярого приверженца демократии Аристотеля. Он критикует Фукидида следующим образом: «...тот признак, что верховная власть находится либо в руках меньшинства, либо в руках большинства, есть признак случайный и при определении того, что такое олигархия, и при определении того, что такое демократия, так как повсеместно состоятельных бывает меньшинство, а неимущих большинство; значит, этот признак не может служить основой указанных выше различий»¹⁴.

Характеризуя общественную и частную жизнь афинян, Фукидид обращается к такому признаку демократии, как равноправие, отмечая, что в частной жизни не существовало различий между гражданами. Иной была ситуация в общественной жизни, где равноправие определялось отношением к институту гражданства, а среди граждан оно зависело от имущественного ценза. Подобная зависимость была определена еще законами Солона. Ограничения по цензу касались лишь занятия государственных должностей. Не менее важным общественным правом была свобода слова (исегория), которую справедливо «можно считать одним из выдающихся достижений античной демократии»¹⁵.

Далее Фукидид выясняет соотношение определяющих факторов общественной жизни. Что важнее: поддержка политической партии или доблесть человека? Симпатии автора явно на стороне личностных характеристик: выбор останавливается на доблести. Как влияла внутренняя политическая борьба на судьбы человека и общества видно из понимания конечных причин гибели демократии в Афинах. По Фукидиду, главное качество образа жизни – это свобода политической деятельности в государстве, равноправие перед законом в частной жизни, отсутствие подозрительности и раздражительности в повседневной жизни.

Неотъемлемая часть образа жизни – ее ритм: чередование труда и отдыха. Отсюда вполне понятное обращение к состязаниям и жертвоприношениям, которые, помимо непосредственного религиозного и спортивного значения, играли роль регулятора общего психологического равновесия общества. Многообразное «отдохновение от трудов», благопристойность домашней обстановки, повседневное наслаждение которой прогоняло уныние, – такова характеристика мирного отдыха. Аналогичный прием чередования картин мирного труда и отдыха мы встречаем в описании щита Ахилла Гомером.

Естественно, что в условиях войны многие качественные стороны жизни афинян получают интерпретацию в свете военного прагматизма. Открытый характер государства связывается с воинской отвагой, а не с боевой подготовкой и военными хитростями. Фукидид подробно сравнивает военную тактику и стратегию афинян и лакедемонян, противопоставляя две системы воспитания молодого поколения.

Дальнейшее сравнение общественной и частной жизни идет по следующим критериям: красота и мудрость, бедность и богатство, величайшая отвага и зрелое обсуждение задуманного. Здесь мы обнаруживаем связь с военной лексикой, ключевое слово которой «превосходство» над противником.

Суть могущества афинского государства раскрывается на протяжении всей речи Перикла: во вступлении это понятие представлено ключевыми словами «доблесть», «могущество» и «великая держава», в основной части речи смысловой доминантой вновь выступают понятия «доблесть», «превосходство», «могущество», «счастье». Заключительная часть речи также содержит подобную логику мышления с еще большим усилением акцента на «доблести». Это качественные показатели военного, экономического, политического состояния афинского общества и его образа жизни в военное время. «Долг», «родина», «мужество» – понятия, составляющие эмоционально-смысловые признаки «доблести». Во всей речи история афинян предстает в трех временных измерениях: прошлое – приобретение свободы, настоящее – величие и могущество города, будущее – вечные памятники бедствий и побед; все объединяет доблесть человека. После прославления демократического образа жизни следует ремарка пророческого предсказания: «Столь великими деяниями мы засвидетельствовали могущество нашего города на удивление современникам и потомкам»¹⁶.

Таков глубинный уровень понимания речи Перикла в передаче Фукидида. Применение структурно-композиционного анализа дает основу для пересмотра ее общей характеристики как панегирика. Исследуемый материал содержит не столько идеализацию действительности и ее приукрашивание, сколько описание реальности в сочетании с идеальной нормой, которой стремится соответствовать человек гражданского общества.

Реальность же такова, что, по словам Перикла, «...в нашем государстве мы живем свободно... Терпимые в своих частных взаимоотношениях, в общественной жизни не нарушаем законов, главным образом из уважения к ним, и повинемся властям и законам, особенно установленным в защиту обижаемым, а также законам неписаным, нарушение которых все считают постыдным»¹⁷. Итак, вектор социального действия (коммуникации) человека

пролегал через реальность к идеальной норме – «самодостаточному» состоянию личности и государства. Заметим, что военная сфера деятельности не исключение из этой общей линии развития человека, а ее подтверждение.

Представление об идеальной норме было общим для духовной жизни греков. Достаточно вспомнить творчество Софокла, где люди изображались такими, какими они должны быть. Идеальны образы героев Троянской войны у Гомера. Идеален образ гражданина в творчестве скульптора Поликлета, в модели государства Платона. Вполне вероятно, что здесь мы встречаемся с конкретизацией универсального понятия гармонии через взаимодействие противоположных начал, разработанного еще философами архаической эпохи. Одним таким началом была идеальная норма, выраженная общественной мыслью; другим – реальность, а идеализация представляла собой движение от второго состояния к первому.

Мысль о единстве и противоположности теории и практики в античной демократии стала предметом исследовательского внимания в современном антиковедении. В монографии Л.П. Маринович «Античная и современная демократия» об этом сказано с большой убедительностью. «Античность оставила современному миру не только принципы демократии, но и показала, как они могут быть реализованы, насколько близко практика может приближаться к теории или удаляться от нее, какие коллизии следует считать изначально заложенными в народовластии и какие условия создают их те или иные модели»¹⁸.

Подобный подход позволяет увидеть новые грани общественного развития древних греков во время наивысшего развития демократии, в частности помогает осмыслить взаимосвязь идеализации, идеальной нормы и исторической реальности в лексике политического мышления древних греков времени Пелопоннесской войны. Традиционная критика источников, дополненная методом структурно-композиционного анализа, позволяет говорить о неразрывности взаимосвязи войны и мира в судьбе античного человека. Это вполне естественно, поскольку и Пелопоннесская война, и наивысший расцвет могущества Афинского рабовладельческого государства относятся к одному периоду. Диалектика войны и мира у Гераклита раскрыта следующим образом: «Война (Полемос) – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит рабами, других – свободными»¹⁹. Однако, если перейти к оценке войны и мира в жизни греков, то их диалектика в мировоззрении эпохи античности очевидна.

Практический реализм этих отношений отмечен в современной критике мифологии. «Военное противостояние богов у Гомера, их позиция – яркое подтверждение того, что война есть продолжение политики иными средствами, а в политике нет места морали, здесь царит одна только целесообразность»²⁰. Прагматика целесообразности особенно четко проявилась во время Пелопоннесской войны, когда религиозные факторы использовались в идеологической и дипломатической борьбе как накануне, так и во время войны. Непреодолимые противоречия между демократическими и олигархическими силами привели к кризису греческую демократию, а Пелопоннесская война принесла ей невосполнимые потери. В этой ситуации «партия религиозной реакции» не представляла собой какой-либо третьей силы, независимой от политической ситуации. В данном случае реальность и идеальная норма, теория и практика оказались диалектически взаимосвязаны.

В итоге необходимо особо подчеркнуть историческую обусловленность, динамику развития, уникальность и ценность античной демократии, что нашло отражение в диалектике идеалов и практике общественного бытия последующих эпох.

- ¹ Тронский И. М. История античной литературы: Учеб. для ун-тов и пед. ин-тов. 1-е изд., испр. и доп. М., 1983. С. 103.
- ² Корзун М. С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444–425 гг. до нашей эры. Мн., 1975. С. 5.
- ³ Маринович Л. П. Античная и современная демократия: новые подходы: Курс лекций. М., 2001. С. 52.
- ⁴ Сидорцов В. Н. Методы исторического исследования. Мн., 2000. С. 137–145.
- ⁵ Маслова В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: Учеб. пособие. Мн., 1997. С. 27.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Сидорцов В. Н. Указ. пр. С. 139.
- ⁸ Красных В. В. Свой среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. С. 149.
- ⁹ Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 128.
- ¹⁰ Фукидид. История. II, 34–46 // Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подгот. Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. М., 1996. С. 180.
- ¹¹ Там же. С. 180.
- ¹² Корзун М. С. Указ. пр. С. 5.
- ¹³ Псевдо-Ксенофонт. Афинская политика // Античная демократия в свидетельствах современников / Изд. подгот. Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. М., 1996. С. 91.
- ¹⁴ Аристотель. Политика. VI, 7 // Античная демократия... С. 159–163.
- ¹⁵ Маринович Л. П. Указ. пр. С. 144.
- ¹⁶ Фукидид. Указ. пр. С. 182.
- ¹⁷ Там же. С. 180.
- ¹⁸ Маринович Л. П. Указ. пр. С. 44.
- ¹⁹ Гераклит // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От этических теокосмогий до возникновения атомистики. М., 1989. С. 202.
- ²⁰ Селиванова Л. Л. Сравнительная мифология (Мифы о возрождении в древнем мире): В 2 ч. Ч. 2. Античный мир. М., 2003. С. 221.

Поступила в редакцию 19.12.2003.

Николай Иосифович Миницкий – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории БГПУ им. М. Танка.

Е. Д. СМЕРНОВА, С. А. РОГАЧ

КРИСТИНА ПИЗАНСКАЯ: ИСТОКИ ФЕМИНИЗМА*

Главной целью статьи является выделение и означивание того индивидуального «авторского места», которое занимала Кристина Пизанская, первая в эпоху Средневековья профессиональная писательница Европы. Соответственно рассматриваются основные задачи исследования: во-первых, выбор отдельных трактовок ее творчества с попыткой проведения их самостоятельного анализа, во-вторых, нахождение определенных моделей интерпретаций «феминизма/традиционализма» писательницы.

The main object of this article is an accentuation and a designation of an individual «author's place» occupied by Christine de Pizan, the first professional woman-writer in Medieval Europe. From here the principal tasks of research follow: in the first place, selection of *separate treatments* of her creation along with the attempt to realize their independent analysis, and in the second place, finding of some definite model of interpretation of «feminism/traditionalism» of the medieval woman-writer.

Шесть веков отделяют нас от времени жизни и творчества Кристины Пизанской (1364–1431), фактически первой профессиональной писательницы эпохи Средневековья, сумевшей открыто (или неявно) выразить свои мысли о необходимости признания достоинств и способностей женщин, не уступающих, а порой и превосходящих мужчин по многим качествам.

Для начала обратим внимание на то, что при ведении современного исторического анализа необходимо помнить, кем прежде и каким образом выработывались традиционные нормы и принципы изложения истории: по су-

* Памяти Ю. Л. Бессмертного, обратившего наше внимание на личность и творческое наследие Кристины Пизанской 20 лет назад.